

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Слово о полку Игореве» принадлежит к произведениям, в которых становление специфики литературы, как творчества художественного, достигло полной отчетливости. В нем не было никакого «служебного» назначения, церковного или светского, которое оттесняло бы в нем его художественные задачи на второй план. Оно не предназначалось для чтения в церкви или в трапезной, как слова, поучения и жития. Оно не предназначалось для исторических справок, как летопись, или для доказательств правоты одной из сторон и виновности другой в дипломатической борьбе между князьями, как повести о княжеских преступлениях. Оно не носило естественно-научного характера, подобно космографиям, физиологам, азбуковникам, и не должно было удовлетворять любознательность географическую и религиозную, вроде «Хождения» игумена Даниила или апокрифов. «Слово о полку Игореве» было лишено узкой служебной или познавательной предназначенности, оно не было написано для какого-то определенного узкого круга читателей или слушателей: все свое идейное содержание, все свои политические идеи оно безраздельно вкладывало в художественную образность. «Повесть временных лет», «Поучение» Владимира Мономаха или «Слово» Илариона и многие другие произведения XI—XII вв. отличались очень высокими художественными достоинствами. Однако, наряду с художественностью, эти произведения ставили себе и чисто «деловые» цели. Художественное познание действительности сочеталось в них с прямым, «ученым» ее познанием. Это были произведения художественные и «ученые» одновременно.

В литературе шел интенсивнейший процесс накопления художественного опыта, эстетических ценностей, постепенной кристаллизации специфики литературного творчества. «Слово о полку Игореве» — яркое свидетельство того, что к XII в. этот процесс привел к ощутимым результатам.

В «Слове» содержание его получило единое адекватное выражение в единой художественной, образной форме. «Прозаизмы», элементы «деловой» письменности в «Слове» не только отсутствуют — они в нем немыслимы. Оно все от начала и до конца написано как бы на одной поэтической волне, — пронизано поэтическим, лирическим отношением к действительности. С этой точки зрения оно знаменует собой новый этап в развитии русской литературы — этап, когда литература по-настоящему становится литературой, когда падают первые принципиальные различия между литературой древней и литературой нового времени.

В дальнейшем мы остановимся только на этой стороне «Слова», особенно необходимой для понимания места «Слова» в процессе становления русской литературы, и не будем касаться всей многообразной идейной и художественной значимости этого «благоуханного цветка» (В. Г. Белинский) русской словесности.

*

Форма и идейное содержание слиты в «Слове» в нерасторжимое единство; для того чтобы понять первое, надо проанализировать второе. Второе же, т. е. идейное содержание, органически связано с наиболее передовыми устремлениями эпохи.

«Слово о полку Игореве» — призыв к единению, к прекращению княжеских усобиц перед лицом страшной внешней опасности. К. Маркс писал: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».¹

С XII по XV век длится в истории Руси период феодальной политической раздробленности. В XII в. относительно единое раннефеодальное древнерусское государство расчленилось на множество самостоятельных феодальных «полугосударств». Это расчленение явилось результатом дальнейшего развития феодального способа производства. Феодальная раздробленность явила прогрессивным этапом в развитии феодального способа производства, она была связана с дальнейшим ростом производительных сил, но по своим политическим последствиям она была очень неблагоприятна, в значительной мере ослабив внешнеполитическое могущество Руси.

Землевладельцы-феодалы принудили работать на себя значительную часть прежде свободного крестьянства и вынуждены были постоянно прибегать к внеэкономическому принуждению со стороны местной княжеской власти, отныне организующей свой суд, управление и войско. Киев постепенно теряет свою власть

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122.

над отдельными княжествами, не будучи в силах удержать князей в повиновении и утвердить среди них свой авторитет, оказывая им помощь против подчиненного им крестьянства.

Феодальное дробление, позволив крепче «держать в узде» трудовое население Руси, резко ослабило зато ее внешнее могущество. Половцы нападали на Русь и разоряли, в первую очередь, крестьян, массами угоняя их в плен.

Феодальное дробление было, следовательно, на руку только боярам-землевладельцам, мелким князьям, осуществлявшим классовое угнетение крестьянства.

Однако, наряду с этой реакционной тенденцией к дроблению Руси на множество феодальных «полугосударств», существовала и другая тенденция — к объединению, тенденция прогрессивная, встречавшая поддержку трудового населения — крестьянства.

Наряду с тенденцией к феодальному дроблению очень рано, еще в XII в., определилась тенденция к феодальной централизации. Эта тенденция олицетворялась сильной княжеской властью, опиравшейся на содействие средней и низшей феодальной прослойки — «служащих бояр» и городских торгово-ремесленных верхов.

Князья наиболее крупных феодальных «полугосударств» — Киевского княжества, Галицкого княжества, Владимиро-Суздальского княжества и некоторых других выступают претендентами на объединение Руси на развитой феодальной основе.

Эта тенденция к феодальной централизации пользовалась активной поддержкой крестьянства и городских низов, более всего страдавших от княжеских усобиц и набегов половцев. При этом надо с самого начала оговориться, что трудовое население Руси поддерживало централизацию, поддерживало сильную княжескую власть, поскольку только она могла дать надежную защиту от внешних врагов, но сама по себе государственная власть оставалась резко враждебной, способствовавшей эксплуатации трудовых масс.

До известной степени, хотя все же и очень незначительно, сохраняется общерусское значение власти киевского князя. Последний очень часто стремится выступать от лица всей Русской земли — в дипломатических сношениях с иноземными государствами, в церковных вопросах, в организации общерусских, объединенных походов против половцев.

Великокняжеская власть Киева и некоторых других наиболее крупных княжеств представляет собой до известной степени феодальную монархию, и к ней вполне применимы уже в XII в. указания Ф. Энгельса о прогрессивной роли королевской власти как носительницы «порядка» в феодальном беспорядке.

Ф. Энгельс отмечает, что королевская власть вступает в союз с «революционными» элементами города и деревни, и датирует начало тенденций к этому союзу в Западной Европе еще X веком. Союз этот креп очень медленно.

Ф. Энгельс утверждает, что союз королевской власти с «революционными» элементами города и деревни нередко «нарушался в результате конфликтов; далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника».¹

На Руси этот союз уже заметен в XII в. во Владимирско-Сузальском княжестве. Его мы можем подозревать в Галицко-Волынском княжестве и в Киевском. О поддержке населением сильного князя, именно потому что он сильный и мог, следовательно, дать ему защиту, прямо говорят летописи. Так, например, черные клобуки, а с ними вместе и киевляне, говорили Изяславу Мстиславичу во время его борьбы с Юрием Долгоруким: «Ты наш князь, коли силен будеш, а мы с тобою, а ныне не твоё веремя, поеди прочь».²

Итак, в XII в. на базе развития феодального способа производства, на базе развития основного классового противоречия феодального общества — между феодалами-землевладельцами и закрепощаемыми крестьянами — происходит борьба сил раздробленности и централизации.

В этой характерной для XII в. борьбе центростремительных и центробежных тенденций автор «Слова о полку Игореве» был на стороне первой. Он на стороне прогрессивных союзников сильной княжеской власти, на стороне объединительных тенденций.

Знаменательно, что междуусобицы князей автор «Слова» расценивает по преимуществу с точки зрения народной — как народное бедствие прежде всего. Два главных представителя княжеских «котор» — Олег «Гориславич» и Всеслав Полоцкий — своими бесконечными войнами разоряли крестьянские хозяйства. При Олеге «по Руской земли рѣтко ратаевъ кикахуть, нѣ часто врани гряхуть, трупиа себѣ дѣляче». При Всеславе же «Немизѣ кровави, брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

² Ипатьевская летопись под 1150 г.

В «Слове» постоянно говорится о дружине, о «русицах», о «русских сынах» и «женах русских», о храбрых полках Игоря, о достоянии «Даждьбожа внука», т. е. русского народа, о горе, которое простерлось по всей Русской земле и которым «восстали» Киев и Чернигов, о дани, которую брали половцы «по бѣль отъ двора» — от двора, конечно, крестьянского, и т. д., и т. п. Ясно, что автор «Слова о полку Игореве» страдает страданиями и радуется радостями всего русского народа. Ни в одной летописи мы не встретим такого отношения к народу, такого обилия упоминаний о людях и при этом с неизменным лирическим сочувствием.

Автор «Слова», конечно, не крестьянин, но он без сомнения выразитель крестьянских интересов и интересов наиболее прогрессивной части феодального класса — нарождающегося дворянства — княжеских «милостников».

Народность идейного содержания «Слова» определяет собой и народность его художественной формы. «Связь „Слова“ с лучшей частью народной поэзии, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — не ограничивалась прямым перенесением в литературное произведение некоторых ее изобразительных средств. В самом мировоззрении автора „Слова“ были такие черты, которые сближали его с творцами устного исторического эпоса прежде всего в оценке изображаемых событий, в задачах ее художественного отражения... Прямым результатом этой общности задач и метода явилось и усвоение писателем устно-поэтической фразеологии. „Фольклорность“ „Слова“, понимаемая в таком широком плане, опирается прежде всего на его подлинно народную идейную сущность».¹

Мы говорили выше, что «Слово» — одно из первых известных произведений русской литературы, которое является прежде всего произведением «художественным» в широком и глубоком понимании этого слова. Его идеальная и политическая насыщенность целиком, без остатка, властно претворена в образную, художественную форму. Это произведение зрелой литературы. И именно этим своим качеством «Слово о полку Игореве» прежде всего обязано устной народной поэзии. Чтобы понять это, следует присмотреться к некоторым характерным и весьма значительным изменениям, которые претерпевало устное народное творчество в годы феодальной раздробленности.

В годы раннего феодализма и в годы феодальной раздробленности народное творчество в ряде областей опережало развитие

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. Слово о полку Игореве. Серия «Литературные памятники». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 294.

«письменной литературы». Было бы совершенно неправильным думать, что одно из двух творчеств — письменное или устное — всегда занимало передовые позиции. Положение, в действительности, было очень сложным. Письменному художественному творчеству принадлежало будущее в ряде таких областей, куда устное творчество не проникало. Литературный язык принадлежал, в основном, литературе, а не фольклору. Прогрессивные идеи высказывались не только в фольклоре, но и в литературе. Литература развивала жанры, которых не было в устном творчестве. Она накапливала художественный опыт в таких размерах, которые были совершенно не под силу вечно текучему и меняющемуся устному творчеству. Однако в основании многих успехов литературы лежит в XI—XII вв. прочный и свободно располагающийся фундамент устного народного творчества. Устное творчество позволяло художественной письменности одерживать победы в таких областях, в которых оно само было бессильно добиться значительных и прочных результатов.

Успехи литературного языка в значительной мере объяснялись успехами его фольклорной подосновы.

Прогрессивные идеи в литературе отражали прежде всего интересы народа, отчасти выраженные в его устном творчестве. Литература осваивала и развивала опыт фольклора, в котором, конечно, были разные стороны и разные явления — более прогрессивные и менее прогрессивные, но без которого не мог быть в целом совершающийся прогресс литературы.

Вместе с тем, как это мы уже неоднократно отмечали, народное творчество отнюдь не было косным и неподвижным. Оно развивалось, и само это движение создавало благоприятные условия для развития литературы.

Сейчас мы должны будем обратить внимание вот на какую очень важную сторону в развитии устного народного творчества XII в.: устное творчество в наиболее прогрессивной своей части становится в это время художественным в собственном смысле этого слова. «Слово о полку Игореве», также становясь первым в русской литературе произведением собственно художественным, во многом опиралось в этом на опыт устной народной поэзии. В этом отношении оно было ближе к народному творчеству, чем к литературе господствующих классов, по большей части несшей «деловую нагрузку».

*

Мы уже говорили выше, в главе, посвященной устному народному творчеству X—XI вв., что устная поэзия постепенно освобождается от той частичной связи с языческой религией, ко-

торая имелась в доклассовом обществе. Это был процесс длительный и неровный. Спустя столетие или два после официального принятия христианства как государственной религии, он достиг стадии, которая характеризуется сильным развитием так называемого «двоеверия».

Что такое это «двоеверие»? Простое соединение «двух вер» вряд ли вообще возможно, тем более что христианство в XII в., как и в последующие века, активно боролось с языческой религией, с ее остатками в народе. Элементы язычества приходили в соединение с христианскими верованиями только тогда, когда они не осознавались в народе как языческие. Язычество как система верований враждебна христианству должна была исчезнуть прежде, чем могло появиться двоеверие. Это могло совершиться только спустя известное время после победы христианства.

Просматривая церковные обличия язычества с XII по XVII в., мы заметим, что осуждается не вера в языческих богов, а исполнение языческих обрядов. И это далеко не случайно. Языческий обряд не только в XII в., но и гораздо позднее продолжает жить независимо от самого язычества: он приобретает игровую функцию, обрядовая песнь становится фактом эстетического сознания в гораздо большей степени, чем религиозного. Именно этим «переключением» языческого обряда в сферу эстетики и народного развлечения объясняется, с одной стороны, его живучесть (в отдельных случаях вплоть до XX в.) а с другой, — легкость, с которой он вступает в связь с обрядовой стороной христианской религии. Это «переключение» языческой обрядности не могло совершиться в конце X—XI вв., когда связь между языческим обрядом и языческой религией ощущалась еще слишком сильно. Оно стало реальным фактом только с периода феодальной раздробленности, когда христианизация населения сделала особенно большие успехи.

Конечно, речь может итти лишь об отмирании веры по преимуществу в главных языческих богов (в Перуна, в Волоса, в Хорса, в Даждьбога и т. д.), воспринимавшихся как главные противники христианства. «Низшая» же мифология язычества — вера в домовых, в род, в рожаниц и мн. др. — еще долго остается в сознании людей, утратив, впрочем, в значительной мере свою силу. Однако сознание единства совокупности отдельных верований, неизбежно присутствующее в каждой религии, если только она осознается как религия, утрачено уже навсегда. Никто из выполнявших в XII—XIII вв. языческие обряды и веривших в «рожаниц» не противопоставлял их христианству как нечто равноправное ему, и в этом было одно из главных условий прочности так называемого «двоеверия».

Густынская летопись, говоря о Коляде, сообщает: «Сему бесу в память простая чадь сходятся в навечерие Рождества Христова, а поют песни некия, в них же аще о Рождестве Христовом поминают, а болие коляду беса величают».¹ Конечно, «беса» и языческого бога распознал в Коляде летописец, «простая» же «чадь» пела Коляде «песни некии», выполняя веселый, традиционный обряд, не осознавая в полной мере его языческого характера, — потому-то и «поминала» в этих песнях о Рождестве Христове.

Память о главных языческих русских богах все более и более становилась достоянием людей грамотных, «ученых», разбирающихся с христианской точки зрения в явлениях мира. Иной раз сведения, даваемые книжником о языческих богах, были не менее «учеными», чем сведения о богах античных, и могли взаимоизменяться. Русские боги назывались именами античных богов и наоборот. Так, в одном из постановлений собора 1274 г. значилось: «И се слышаю: в субботу вечер сбираются вкуль мужи и жены и играют и пляшут бестудно и скверну деют в ночь святого воскресения, яко Дионусов праздник празднуют нечестии едини, вкуль мужи и жены, яко и кони вискают и ржут и скверну деют».² Само собой разумеется, что собравшиеся вместе («вкуль») плясать, петь и играть русские мужчины и женщины меньше всего думали о том, что они совершают праздник античного бога Диониса. Эта интерпретация должна быть оставлена на совести ученого книжника, так же как и сравнение веселящихся мужчин и женщин с «вискающими» и «ржующими» конями.

Язычество как система верований отшло в прошлое. Главные языческие боги (Перун, Волос и т. д.) уже не служат предметом организованного культа. Остались отдельные верования, отдельные обряды, остались разрозненные пережитки. Эти пережитки начинают совмещаться с христианством именно потому, что они не осознаются как враждебные христианству. Лишь ученые книжники признавали эти пережитки за враждебные, несовместимые с христианством.

Вот почему и сам летописец, несмотря на весь свой христианский ригоризм, не прочь определить время описываемых им событий то языческим Корочуном (самый короткий день в году — солнцеповорот, сопровождавшийся языческими обрядами),³ то языческой Радуницей (время поминовения умер-

¹ Mansikka. Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922, стр. 115.

² Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1880, стр. 100.

³ Новгородская I летопись по Синодальному списку под 1143 г.

ших),¹ то языческой Русальной неделей (также праздник поминовения умерших).²

Таким образом, «двоеверие» не могло возникнуть сразу после официального принятия христианства Русью. Должно было пройти некоторое время, чтобы острота противопоставления язычества и христианства в известной мере притупилась, чтобы элементы старого язычества перестали в народе осознаваться в полной мере как языческие.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что языческий обряд, переставший в народе осознаваться как языческий, вступал в соединение с обрядом христианским — сперва в прямой последовательности: один за другим, а затем и в полном смешении.

В «Уставе» XII в. митрополита Георгия значится: «Аще кто крестить вторую трапезу роду и рожаницам тропарем святыя богородица, и то ясть и пиеть, да будет проклят».³ «Первая трапеза» — это конечно христианский обряд поминования умерших с положенной раздачей кутьи. Вторая трапеза — народный обряд, потерявший свою связь с язычеством, «освященный» пением тропаря богородицы. Название этого обряда «второй трапезой» ясно указывает на то, что он совершался теми же людьми после «первой трапезы» — христианской.

Приблизительно такое же чередование «языческих» обрядов с христианскими видим мы в обрядовой стороне народной свадьбы и во многих других случаях.

Отсюда ясно, что обрядовая поэзия, как поэзия в собственном смысле этого слова, получала новый толчок к жизни: в недрах так называемого «двоеверия» начинала постепенно сама освобождаться от веры, становилась явлением художественного творчества по преимуществу. В ней развивался элемент развлекательный и эстетический. Этот процесс, начавшийся еще в эпоху раннефеодального государства, особенно усилился в период феодальной раздробленности.

Отсюда ясно, что народное творчество смогло развернуться в обрядовой поэзии во всю ширь, приобрело творческие импульсы, становилось явлением художественным в полном смысле этого слова, только начав постепенно приобретать свободу от религии. Примером перехода языческой обрядовой поэзии в область одного только художественного творчества может служить судьба плачей в XII в.

¹ Новгородская IV летопись под 1372 г.

² Ипатьевская летопись под 1174, 1177 и 1195 гг.

³ Mansikka, ук. соч., стр. 247.

О наличии устойчивой образности в плачах свидетельствуют и летописные и житийные данные. «Уже бо солнце наше зайдены и в обиде всим оставом», — плачут новгородцы в 1178 г., погребая князя Мстислава.¹ В тех же словах плачут владимироволынцы в 1288 г. на похоронах князя Владимира Васильковича.² С зашедшем солнцем сравнивал Александра Невского в своем погребальном слове митрополит Кирилл.³

Наличие традиционной образности не отменяло, однако, в плачах творческого элемента. Плачи подчеркивали индивидуальные качества умершего. Плачи по князьям включали в себя элементы оценки их государственной деятельности. Перед нами тот же процесс отхода от языческого культа, который мы отмечали в плачах и в предшествующем периоде. Характерную форму плача по Андрее Боголюбскому сохранила Ипатьевская летопись под 1175 г. Летописец пишет, что люди так громко плакали, что «вопль далече бе слышати», и приводит самые слова плача: «Уже ли Киеву поеха, господине, в ту церковь, теми Золотыми вороты, их же делать послал бяше той церкви на велицемъ дворе на Ярославле, а река: „Хочю создати церковь таку же, ака же ворота си Золота, да будет память всему отечству моему“.

Из этого отрывка видно, что в плаче оценивалась строительная деятельность Андрея Боголюбского. Форма этого плача была настолько развита, что могла включать в себя своеобразные цитаты — выдержки из прямой речи покойного. Вместе с тем вопросная форма плача, выражающая как бы недоумение пораженных горем плачущих, типичная и для причитаний XIX—XX вв., определилась, очевидно, уже вполне отчетливо и для XII в.

Слава пелась князьям при возвращении из походов, при поставлении князей на стол и в некоторых других случаях. Трудно сказать, насколько это было народным искусством, но что оно в какой-то мере было и народным — сомневаться нельзя.

В самом деле, в 1068 г. восставшие киевляне прогнали князя Изяслава Ярославича из Киева и поставили киевским князем освобожденного из поруба Всеслава Полоцкого. «Повесть временных лет» передает, что восставшие привели его на «княжь двор» и здесь «прославиша и среде двора къняжа».⁴

¹ Ипатьевская летопись под 1178 г.

² Там же под 1288 г.

³ Памятники древней письменности. СПб., 1882, стр. 11.

⁴ Повесть временных лет, ч. I, стр. 115, под 1068 г.

Так же точно, возможно по собственному почину, народ пел славы князьям, когда последние возвращались из победоносного похода на внешних врагов. Народ, всегда стоящий на страже интересов Родины, мог, конечно, благожелательно оценить подвиги князей-защитников Родины. Не случайно, думается, о пении славы князьям летопись упоминает в XIII в. только тогда, когда эти князья возвращались из победоносных походов на внешних врагов Руси, и никогда не упоминает о пении славы князьям при их возвращении из походов междоусобных.

Так было в 1241 г., когда псковичи встречали Александра Невского при возвращении с Ледового побоища, «поюще песнь и славу государю, великому князю Александру Ярославичу».¹ Так было в 1251 г. при возвращении из победоносного похода на ятвягов Даниила Галицкого и его брата Василька: «И песнь славну пояху има, богу помогшу има, и при доста со славою на землю свою, наследивши путь отца своего великаго Романа...».²

Содержание одной из таких «слав», сложенных в честь Мстислава Удалого, приводит на латинском языке польский историк XV в. Ян Длугош. Последний говорит, что славу эту в честь Мстислава сложила Русь тотчас же после его победы в 1209 г. над поляками и венграми под Галичем:

О великий княже и победитель, Мстислав Мстиславич!
и войска их, посланный богом!
Пусть перестанут гордиться те, кто мнили,
победив тебя, себе присвоить победу,
ибо все они посрамлены и разбиты тобою,
великолепным и славным господином нашим.³

С произведениями народного творчества «Слово» роднит еще и то, что оно не было рассчитано ни для какого узко «делового» употребления. Нет нужды опровергать искусственное и бездоказательное утверждение М. Д. Приселкова, что «Слово» — это агитационное произведение византийской политики на Руси.⁴ Не предназначалось «Слово» и для отсылки тем или иным князьям, для какого-нибудь определенного употребления в дипломатической практике или в качестве исторической справки.

¹ Житие Александра Невского в псковской редакции.

² Ипатьевская летопись под 1251 г.

³ Цитирую в переводе А. В. Соловьева (Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». Истор. зап., № 25, М.—Л., 1948, стр. 98).

⁴ М. Д. Приселков. «Слово о полку Игореве» как исторический источник. Историк-марксист, 1938, № 6.

Автор «Слова» ведет свое изложение от своего собственного лица, а не от лица какого-либо князя, не представляет интересы того или иного княжества. «Слово» — произведение неофициальное и в этом его глубокое отличие от летописи и от очень многих других произведений русской литературы XI—XII вв.

Зато такую же непосредственность творческой целенаправленности найдем мы в произведениях устной народной словесности, обращенных к слушателям так же, как «Слово» обращено к читателям без какого-либо конкретного, «делового» повода. «Слово» было обращено к общественному мнению в большей мере, чем к тому или иному определенному князю. Да и самые обращения к русским князьям вслед за «золотым словом» Святослава Киевского — не были ли они больше литературным приемом, чем конкретным обращением к конкретным лицам? Ведь обращается же автор к Бояну «соловью старого времени» — лицу, умершему гораздо более полустолетия назад. Обращается же автор к биографии Всеволоду в момент своего рассказа о битве с половцами — как бы собираясь предостеречь его? Обращается же автор и к Игорю, идущему в поход на половцев, как бы желая остановить его от дальнейшего гибельного углубления в Половецкую степь? Не есть ли, следовательно, и обращение автора «Слова» к русским князьям — обращением наполовину литературным, вроде обращения Ярославы к ветру, Днепру и Солнцу?

Ясно, что литературность «Слова» и его политическая целестремленность, широта политической оценки современного «Слову» положения Руси только увеличивались от отсутствия узкой «деловой» предназначенностии «Слова».

Вместе с тем и языческие элементы, элементы анимизма, претворены в «Слове» в явление художественного порядка.

Когда автор «Слова о полку Игореве» передает беседу Игоря с Донцом, он, конечно, не предполагает, что эта беседа имела место в действительной жизни. Эта беседа — художественное обобщение, она символизирует в широком смысле дружественное отношение русской природы к Игорю. Природа поэтически, а отнюдь не реально оживает в «Слове».

Это поэтическое одухотворение природы только генетически восходит к первобытному анимизму, но само по себе этим анимизмом не является.

Автор «Слова» только поэтически одухотворяет природу и только поэтически видит в ней живое существо, сочувствующее русским. Нельзя себе представить, чтобы автор «Слова» на самом деле верил в то, что деревья реально оплакивают юношу Ростислава, «сь тугою» приклоняясь до земли, что дева Обида реально

плескалась на синем море у Дона, что печаль действительно «текла» «средь земли Русской». Не может подлежать сомнению, что и языческие боги, упоминаемые в «Слове», — это художественные образы, обладающие для автора сильной поэтической окраской, а не реальные культовые понятия. Автор «Слова» христианин, а не язычник. Он не верит в языческих богов, как не верит в реальность разговора Игоря с Донцом.

Языческие боги — художественные образы, поэтические понятия. Автор «Слова» называет ветры «Стрибожими внуками», говорит о русском народе как о «Дажьбожьем внуке». «Велесовым внуком» он называет Бояна. Перед нами поэтические перифразы. Языческие образы приобрели для автора «Слова» лишь поэтическое значение. Он пользуется этими языческими понятиями наряду с одушевлением природы — рек, деревьев, ветра, солнца. Вернее, языческие боги для автора «Слова» — это часть одушевленной природы. Это одухотворение чисто художественное и отнюдь не культовое.

«Слово о полку Игореве» написано поэтом христианином, не слишком, впрочем, проявившим свое христианство. Языческие же элементы, отчетливо сказывающиеся в «Слове», — это лишь художественные обобщения, без всякой веры в их реальность.

Таким образом, в «Слове», как и в народном творчестве его времени, — налицо отход от язычества; языческие элементы осознаются как элементы чисто поэтические. В этом отношении «Слово о полку Игореве» отражает процесс разложения язычества и перехода его к «двоеверию», о котором мы говорили выше.

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее всего ощущается в пределах двух жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове», — плачей и песенных слав, хотя отнюдь не ограничивается только ими. «Плачи» и «славы» автор «Слова» буквально приводит в своем произведении. Их эмоциональная противоположность дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова» и который сам по себе отделяет его от произведений устной народной словесности, где каждое произведение подчинено, в основном, одному жанру и одному настроению.

«Плачи» автор «Слова» упоминает не менее пяти раз: плач Ярославны, плач жен русских воинов, падших в походе Игоря, плач матери Ростислава. Плачи же имеет в виду автор «Слова» тогда, когда говорит о стонах Киева и Чернигова, и всей Русской земли после похода Игоря.

Дважды приводит автор «Слова» и самые плачи: плач Ярославны и плач русских жен. Многократно он отвлекается от повествования, прибегая к лирическим восклицаниям, столь харак-

терным для плачей: «О, Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!»; «То было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сицей рати не слышано!»; «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?»; «А Игорева храбраго плѣку не кресити?».

Близко к плачам и «золотое слово» Святослава, если принимать за «золотое слово» только тот текст «Слова», который заключается упоминанием Владимира Глебовича: «Туга и тоска сыну Глѣбову». «Золотое слово» «съ слезами смѣшено», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна, к отсутствующим, — к Игорю и Всеволоду Святославичам.

Автор «Слова» как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к плачам лирическими отступлениями. «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хоробре гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣный воронъ, поганый половчине!».

Связь плачей с лирической песнью особенно сильна в так называемом плаче Ярославны из «Слово о полку Игореве». Автор «Слова» как бы «цитирует» плач Ярославны — приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые она действительно могла употребить. В этом плаче особенно отчетливо переключение элементов язычества в чисто поэтический план. Различные исследователи пытались найти в плаче элементы анимизма, элементы заговоров и т. д. На самом деле «одухотворение» природы в плаче Ярославны — чисто поэтическое. Ее обращения к Днепру, к солнцу, к ветру — не более как изъявление ее личных чувств. В старую, подчас, форму плача автор «Слова» вкладывает новое содержание. Плач Ярославны переходит в лирическую песнь. Сам по себе он непререкаемое свидетельство наличия в XII в. сильной лирической струи в народной поэзии.

Плач по воинам Игоря автор воспринимает не только как лирическое произведение, но старается воспроизвести перед воображением читателя и сопровождающее его языческое действие: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ». Однако не может быть сомнения в том, что автор «Слова» не придает этой картине реального значения. Скачущие по Русской земле Карна и Жля служат автору «Слова» только образами горя. Именно таким обобщением горя-«обиды» служит автору и другая картина, приводимая им перед тем: «Въстала обида въ силахъ Дажьдбожа внука, вступила дѣвою на землю Троянию, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону; плещучи, упусти жиря времена».

Не менее активно, чем плачи, участвуют в «Слове» стоящие в нем на противоположном конце сложной шкалы настроений песенные славы. С упоминания о славах, которые пел Боян, «Слово» начинается. Славой Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине «Слово» заключается. Ее поют Святославу немцы и венедици, греки и морова. Слава звенит в Киеве, ее поют девицы на Дунае. Она вьется через море, пробегает пространство от Дуная до Киева.

Отдельные отрывки из «слав» как бы звучат в «Слове»: и там, где автор его говорит о Бояне, и там, где он слагает примерную песнь в честь похода Игоря, и в конце «Слова», где он провозглашает здравицу князьям и дружине. Слова славы то тут, то там слышатся в обращениях автора «Слова» к русским князьям, в диалоге Игоря с Донцом («Княже Игорю, не мало ти величия...», «О, Донче! не мало ти величия...»). Наконец, они прямо приводятся в его заключительной части: «Солнце свѣтится на небесѣ, — Игорь князь в Русской земли».

Славы, в противоположность плачам, повидимому, и не были связаны с культом, зато они были очень тесно связаны с княжеским бытом, и эта связь их с княжеским бытом постоянно заметна в «Слове». Славу поет князьям Боян, под звон какого-то струнного инструмента (повидимому гуслей); славу поют князьям жители дунайских городов и иноземцы. Славы, повидимому, исполнялись по-разному, но пелись они всегда в определенной обстановке (пир в гриднице, возвращение князя в родной город и т. п.).

Как бы, однако, ни были реальны в княжеском быту пения славы князьям, — в «Слове» реально изображенное пение славы князьям также лишь художественный образ, художественное обобщение. Что бы ни имел в виду автор «Слова», когда говорит «ту нѣмци и венедици, ту греки и морава поютъ славу Святъславлю», — поющих ли иноземцев в самой гриднице Святослава или иноземцев, поющих славу в своих землях, — это, конечно, только художественный образ. Разноязычный хор иноземцев в гриднице Святослава также не реален, как и одновременное исполнение слав Святославу в Венеции, в Германии, в Византии и в Чехии. Перед нами художественный образ, которым передается слава Святослава, реющая далеко за пределами Киева.

Так же точно не что иное, как художественный образ пение девиц на Дунае или пение красных готских дев на берегу синего моря. Все это — лишь художественные предположения автора. В них не больше достоверности, чем в воображаемом разговоре Игоря с Донцом. Там также Игорь и Донец величают друг друга.

Если мы взглянемся в эту манеру автора «Слова» приводить воображаемые диалоги, воображаемое пение славы, воображаемые плачи, то для нас станет ясным разительное различие «Слова» как произведения литературного, в первую очередь, от исторического повествования летописи, где все излагаемые факты имели место, совершились, были отобраны летописцем в зависимости от их реального, а не художественного значения.

В данном случае — с плачами и славами — для нас особенно важно и другое. Плачи в реальной жизни народа и славы в княжеском быту имели прежде всего значение обрядовое, хотя уже и не культовое. Их художественная функция была очень сильна, но она стояла все же еще на втором месте. В «Слове» же именно она — художественная функция — стоит на первом месте. Значит, «Слово» не просто следует народной поэзии, не просто заимствует от нее, а выделяет и подчеркивает в ней эстетический момент. Идейно-художественная сторона устной поэзии усиlena в «Слове».

Вместе с тем, в «Слове» народная поэзия не просто используется, а как бы «цитируется», она присутствует как таковая; плачи и песни названы, упомянуты, упомянуты поющие (Боян, Ярославна, «девицы на Дунае», готские красные девы и др.). Следовательно, «Слово» вводит читателя в самую атмосферу народной поэзии. Эти народные плачи и славы, в первую очередь, составляют тот мир поэзии, которой живет автор вместе с читателями. Чтобы заставить поэтически жить то или иное событие в сознании читателя, автор «Слова» заставляет на него откликнуться народных исполнителей.

Зачин «Слова», в котором автор делает различные предположения о том, как бы отозвался на событие похода Игоря певец Боян, имеет огромное художественное значение, так как сразу же вводит читателя в обстановку поэтической интерпретации похода Игоря. Затем эти поэтические отклики продолжаются то в пении русских жен, то готских красных дев, то девиц на Дунае, то в образе фантастических реплик Донца и т. д. Этим создается атмосфера поэзии. Этим подчеркивается поэтичность откликов на события Игорева похода. В поэзии XIX—XX вв. эту функцию «поэтизатора» будет выполнять личность самого поэта, его «лирическое я». В XII в. перед нами в значительной мере предстает еще «коллективный поэт», поэт народный. Автор «Слова» как бы объединяет и собирает поэтические отклики на события похода Игоря. Здесь и Боян, и девицы, и жены русских воинов и т. д. Он подчеркивает широкий поэтический отклик в народе на события похода Игоря. Вот почему так часто упоминается в «Слове» о плачах, о пении слав, о древнем певце

Бояне; вот почему так обильно приводятся в «Слове» слова этих песен, плачей и слав.

*

Формулируя различие между ученым сочинением и литературным, Н. Г. Чернышевский писал: «Главная цель ученых сочинений... та, чтобы сообщать точные сведения по какой-нибудь науке, а сущность произведений изящной словесности — в том, что они действуют на воображение и должны возбуждать в читателе благородные понятия и чувства. Другое различие состоит в том, что в ученых сочинениях излагаются события, происходившие на самом деле, и описываются предметы, также на самом деле существующие или существовавшие; а произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как чувствуют и как поступают люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большею частью создаются воображением самого писателя. Коротко можно выразить это различие в следующих словах: ученое сочинение рассказывает, что было или есть, а произведение изящной литературы рассказывает, как всегда или обыкновенно бывает на свете».¹

Определение Н. Г. Чернышевского вскрывает коренное различие между научным произведением и литературным. Основная особенность литературы — в создании образных обобщений, в выявлении типичного. Но средства художественного обобщения в древней русской литературе были еще очень ограниченными. Древнерусские литературные произведения (летописи, исторические повести, жития и др.) были в основном посвящены историческим, единичным событиям. Действие древнерусских литературных произведений всегда происходило в точно определенной исторической обстановке, или, еще чаще, произведения древнерусской литературы рассказывали непосредственно о самих исторических событиях — только что случившихся или давних. Главные герои древней русской литературы (в пределах до середины XVII в.) — это деятели русской истории (князья Владимир Святославич, Владимир Мономах, Александр Невский, или русские святые — Борис и Глеб, Феодосий и Антоний Печерские и т. д.). Даже жития русских святых по преимуществу историчны. Фантастика, чудеса вводятся в древнерусские произведения только под знаком чего-то исторически верного, реально случившегося. Писатель и читатель были по большей части уверены в том, что все, о чем пишется в житии или в летописи, действительно произошло. Интерес древнерусского читателя был

¹ Н. Г. Чернышевский. Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения. Сб. «Н. Г. Чернышевский об искусстве», М., 1950, стр. 214.

прикован к истории. Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымыщен, а герои его никогда не существовали.

Этот историзм древнерусской литературы был соединен в ней с глубоким (хотя и очень своеобразным) патриотизмом. Древнерусская литература в лучших своих произведениях стремилась к разрешению важных насущных задач народной жизни и государственного строительства. Однако, вместе с тем, историзм ограничивал художественное обобщение древнерусского автора. Типизированных обобщенно-вымыщленных героев с вымыщенными именами древнерусская литература не знает. Художественное обобщение в ней всегда опиралось на конкретные исторические имена, подавалось через описание исторических событий.

Свои художественные обобщения древнерусские авторы строили главным образом на основе конкретных исторических фактов. Расширение средств художественного обобщения происходило в течение нескольких веков. Литература далеко не сразу научилась рассказывать о том «как всегда или обыкновенно бывает на свете», и создавать свои примеры «воображением самого писателя».

«Слово о полку Игореве» не выходит за пределы художественных возможностей своего времени, но эти возможности оно использует в полной мере, до предела. Оно создает обобщение, типичные образы, на основе разнообразного исторического материала. Эти обобщения «Слово о полку Игореве» создает с такой степенью интенсивности, с какой не создавало их ни одно другое литературное произведение XI—XVI вв. С этой точки зрения «Слово о полку Игореве» также является по существу первым настоящим литературным произведением.

Знаменательно, что и в создании своих художественных обобщений автор «Слова о полку Игореве» шел по пути, проложенному устной народной поэзией. Мы уже частично говорили об этом выше.

Сейчас прежде всего отметим, что «Слово о полку Игореве» широко вводит фантастический элемент в характеристику действующих лиц своего повествования. Это по преимуществу относится к лицам, представляющим историческое прошлое Руси: к Бояну и Всеславу Погоцкому. Вымысел играет существенную роль в создании этих образов. При этом автор и не выдает своего вымысла за действительность. Вымысел опять-таки носит чисто литературный характер. Описывая литературную манеру Бояна, растекавшегося мыслью по древу, серым волком по земле и сизым орлом под облаками, автор «Слова» вовсе не подозревает в Бояне действительной способности перевоплощаться в раз-

личных зверей, оборотничества. Так же точно он не считает, что пальцы Бояна и в самом деле превращались в соколов, а струны в лебедей.

Литературность вымысла как средства для создания образа выступает в полной мере и в ряде других случаев. Гиперболически описывая Ярослава Осмомысла, автор «Слова» вовсе не считает, что Ярослав и в самом деле метал тяжесть через облака, стрелял с от него золотого стола салтанов за землями и т. д. Это — образы, художественная условность которых была, конечно, понятна и автору, и читателю. Так же точно художественно условны гиперболы в обрисовке буй-тура Всеволода, Владимира Святославича, Всеволода Сузdalского и др. Думаю, что «оборотничество» Всеслава Полоцкого — такая же литературная условность, необходимая для создания яркого образа князя вотчинника, как и «оборотничество» Бояна, необходимое для создания художественного образа искусного и вдохновенного певца-поэта. Всеслав сравнивается с лютым зверем, он волком рыскает ночью, перерыскивает путь великому Хорсу и т. д. Но все это не значит, что автор «Слова» действительно считал Всеслава волхвом, что он верил в его «оборотничество». Автор «Слова» также мало верил в способность Всеслава перевоплотиться в волка, как и в языческого бога Хорса, которому Всеслав якобы перерыскивал при этом путь, или в способность Бояна носиться серым волком и летать сизым орлом.

Автор «Слова» постоянно сравнивает героев своего произведения со зверями, но это не более как способ характеристики. Всеволод — «буй-тур», Игорь и его сыновья — соколы, Боян — сизый орел, серый волк, Всеслав Полоцкий — волк и «лютый зверь» (если только волк и «лютый зверь» не одно и то же) и т. д. Все эти сравнения определяют индивидуальные качества героев повествования.

Необходимо обратить внимание на то, что этот способ характеристики действующих лиц типичен именно для устного народного творчества. Сравнение людей с соколами, волками, турами, орлами — несомненно носит народно-поэтический характер. Особенно ясно определяется народно-поэтический характер образа Всеслава Полоцкого. Всеслав Полоцкий издавна вошел в народное сознание как князь кудесник. Так он запечатлен в «Повести временных лет»¹ и так он отразился в былинном образе Волха

¹ «Всеслав... седе на столе..., его же роди мати от вълхвованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: „Се язвено навяжи на нь, да носить є до живота своего“, еже носить Всеслав и до сего дне на собе, сего ради немилостив есть на кровь-пролитье» (Повесть временных лет, ч. I, стр. 104, под 1044 г.).

Всеславьевича.¹ Однако между народно-поэтическим образом Волха Всеслава и образом его же в «Слове о полку Игореве» есть существенная разница. В былине Волх Всеславьевич действительно оборотень, способный превращаться в действительного волка. В «Слове» — это только художественная условность. Следовательно, и в данном случае «Слово» пользуется для создания художественного обобщения народными верованиями, не веря им, придавая им только поэтическое значение, к чему, в конечном счете, шли и сами народные верования, как это мы указали выше.

Еще один своеобразный прием художественного обобщения может быть отмечен в «Слове». Автору «Слова» надо было дать обобщение ольговичей и всеславичей, как двух групп князей крамольников. Ограниченный в средствах художественного обобщения законами художественного творчества эпохи развитого феодализма, — творчества, замкнутого в кругу исторических фактов весьма узкого ряда, автор «Слова» прибег к изображению родоначальников тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать. Вот почему в «Слове» заняли такое большое место характеристики Олега «Гориславича» — родоначальника ольговичей и Всеслава Полоцкого — родоначальника полоцких всеславичей. Нельзя не видеть, что такая характеристика родоначальников князей, предложенная в качестве обобщающей характеристики их потомков, лежит в связи с очень сильным в русской политической жизни генеалогическим принципом. «Внук» того или иного князя считался естественным продолжателем его политики, наследником его притязаний, его «дедины». В русской международной политике боролись представители того или иного «гнезда», «племени»: Всеславичи полоцкие с Ярославичами, Ольговичи с Мономаховичами.

Новгородцы нередко приглашали к себе того или иного князя потому, что он был потомком любезного их сердцу Мстислава Удалого или Мономаха. Они соглашались принять сына по отцу, внука по деду. Так было и в других городах. Нет ничего удиви-

1

«А и будет Волх десяти годов,
Втапоры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обвертваться ясным соколом;
Ко другой-то мудрости учился он, Волх,
Обвертваться серым волком;
Ко третьей-то мудрости учился Волх
Обвертваться гнедым туром — золотые рога».

(К. Данилов. Древние российские стихотворения. М., 1938, стр. 33).

тельного и в том, что «Слово» характеризует внуков по деду. Образ множества внуков воплощался в одном деде. Это был прием простой и понятный для современников, но вызывавший недоумение исследователей «Слова» XIX и XX вв., предполагавших в характеристике Всеслава Полоцкого случайную вставку «песни о Всеславе», а в характеристике Олега «Гориславича» обусловленность ее какими-то особыми симпатиями автора «Слова» к черниговским «ольговичам».

В обобщающей характеристике «Ольговичей» через Олега «Гориславича» и в обобщающей характеристике полоцких «Всеславичей» через Всеслава Полоцкого автор «Слова» претворил в художественный прием, в средство художественного обобщения принцип, развившийся еще в политической жизни.

Факт этот очень характерен для «Слова о полку Игореве» как для произведения, стоящего в начале литературного развития Руси. В художественных образах еще чувствует связь с терминами, с символикой феодальной, военной и пр. Художественное обобщение еще только рождалось и в нем еще чувствуется связь с обобщениями не художественного порядка. Художественное творчество выделилось среди прочих видов творчества в устной поэзии раньше, чем в письменности, и в этом смысле устная поэзия в целом стояла более высоко, чем письменность. Однако перенесенная в письменность, она сразу дала такой памятник исключительной эстетической ценности, как «Слово».

Итак, «Слово о полку Игореве» написано в своеобразной поэтической системе, очень многим обязанной народной поэзии. Это не система народной поэзии, но система, как бы возникшая на почве народной поэзии. «Слово» написано не так, как составлены народные плачи или славы (хвалебные, величальные песни). Уже одно сочетание этих двух глубоко различных по обстоятельствам употребления жанров совершенно невозможно в народной поэзии. Однако «Слово» широко использует плачи и славы, цитирует, упоминает их для создания соответствующих лирических настроений. Оно, следовательно, использует народную поэзию, само не будучи произведением народной поэзии, и достигает через это использование самых вершин художественного творчества.

«Слово о полку Игореве» принадлежит уже вполне зрелой литературе. Это произведение законченно художественное и в его целом, и в частях.

Повидимому, в XII в. специфика литературного, художественного творчества проявлялась уже достаточно отчетливо и «Слово» использовало поэтическую систему, созданную его несохранившимися предшественниками.

Стремление опереться на поэтическую систему народной поэзии говорит, казалось бы, за то, что эта собственная система «Слова» была в письменности еще очень молодой, только что созданной, если не созданной самим автором «Слова». Зависимость от народной поэзии так сильна, что она как бы исключает возможность длительного и развитого существования системы, представленной «Словом» в предшествующей письменности. Однако в «Слове» есть ряд признаков, говорящих о том, что автор «Слова» считался с книжной традицией, вводил книжные и, вместе с тем, поэтические образы, что он имел предшественников поэтов и, притом, поэтов книжных, а не народных. В «Слове» имеется целый ряд искусственных книжных выражений. Эти выражения явно не созданы автором «Слова», а принадлежат литературной традиции. Назовем хотя бы такие: «растѣкашется мыслию по древу», «ската, славиу, по мыслену древу», «истягну умъ крѣпостию своею», «сшивая славы оба пола сего времени, рища въ тропу Троянию», «спаль князю умъ похоти» и некоторые другие. Для части этих выражений в исследовательской литературе подыскианы параллели из других книжных произведений; для части не подыскианы, но книжное их происхождение не может вызывать сомнений.

«Слово о полку Игореве» отчетливо показывает, какую значительную роль играла устная народная поэзия в формировании литературы. Не только отдельные элементы народной поэзии переносятся в «Слово» — переносится в «Слово» самая атмосфера народной поэзии: «Слово» как бы намеренно насыщено многочисленными упоминаниями плачей и пений слав, чем создается лиричность овеивающего «Слово» настроения.

Наконец, созданием жанра целиком литературного, художественного русская литература прежде всего обязана народной поэзии, где художественное слово раньше, чем в письменности определилось как художественное, в первую очередь.

Вместе с тем, «Слово» не просто связано с народной поэзией — оно связано с народной поэзией, стоящей уже на высоком уровне развития. Народная поэзия развивалась, двигалась вперед, как и литература, и увлекала на первых порах литературу вперед именно этим своим движением, причем увлекала так, что «Слово» и само, как это мы видели, кое в чем опережало народную поэзию.

*

Как определить: было ли «Слово» первым произведением в том поэтическом роде, в котором оно написано, или оно имело за собой уже какую-то давнюю традицию? Время ли не сокра-

нило нам его предшественников или их не было и вовсе? Этот вопрос очень существен для определения истинного положения «Слова» в процессе становления русской литературы.

К сожалению, мы очень мало можем сказать о самом жанре «Слова». От времени, предшествующего «Слову», до нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало «Слово» по своему характеру. Мы можем найти отдельные аналогии «Слову» в деталях, в отдельных приемах ораторской¹ или поэтической речи, но не в целом. Только после «Слова» мы найдем в древней русской литературе несколько произведений, в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским патриотизмом, которые позволяют объединить их вместе с «Словом» в единый жанр и даже связать этот жанр со светской, княжеско-дружинной средой, где только он и мог возникнуть и развиваться. По-видимому, этот жанр существовал уже и до создания «Слова».

Мы имеем в виду следующие три произведения: «Похвалу Роману Мстиславичу Галицкому», читающуюся в Ипатьевской летописи под 1201 г., «Слово о погибели Русской земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе повестей о Николе Заразском. Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Каждое из них сочетает книжное начало с духом народной поэзии плачей и слав. Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

«Похвала Роману Мстиславичу» — это и плач по нем. Это одновременно плач по былому могуществу Русской земли и славе ее. В текст этой «жалости и похвалы» введен краткий рассказ о траве евшан и половецком хане Отроке. Она посвящена Роману и одновременно Владимиру Мономаху.

Однако «Похвала Роману» и «Слово» имеют и существенные различия. Эти различия не жанрового характера. Они касаются лишь самой авторской манеры. Так, например, автор «Похвалы Роману» сравнивает его со львом и с крокодилом («устремил боясь бяше на поганыя яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяще яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур»).

Автор «Слова о полку Игореве» постоянно прибегает к образам животного мира, но никогда не вводит в свою поэтическую ткань зверей не русских. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только

¹ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. Сб. «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950.

к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателя. «Слово о погибели Русской земли» также — плач и слава, «жалость и похвала». Оно полно патриотического и одновременно поэтического раздумья над бытой славой и могуществом Русской земли.

В сущности, и в «Похвале Роману» тема былого могущества Русской земли — центральная. Здесь в «Слове о погибели» эта тема не заслонена никакой другой. Как и в «Похвале Роману», она насыщена воздухом широких просторов Родины. В «Похвале Роману» — это описание широких границ Русской земли, подвластной Мономаху. Здесь, в «Слове о погибели» это также, еще более детальное описание границ Руси, подвластной тому же Мономаху. «Отселе до угор и до ляхов, до чяхов, от чаяхов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немець; до корелы, до Устьюга, где бяху тамо тоимицы погани, и за дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до мордви, то все покорено было богом христвяньскому языку поганьская страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю киевъскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половицы дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на свет на выникиаху, а угры твердяху каменые города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал, а немцы радовахуся, далече будуче за синим морем; буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортничаху на князя Володимера, и иже Рамануил царьгородский опас имея, поне и великия дары посылаше к нему, абы под ним великий князь Володимер Царягород не взял».¹

Не только поэтическая манера сливать похвалу и плач, не только характер темы сближает похвалу Роману со «Словом о погибели», но и самое политическое мировоззрение, одинаковая оценка прошлого Русской земли.

В «Слове о погибели» нет только того элемента рассказа, который есть в «Похвале Роману» и который сближает ее со «Словом о полку Игореве».

Наконец, тем же грустным воспоминанием о былом могуществе Родины, тою же похвалой и «жалостью» овеяно и третье произведение этого вида — «Похвала роду рязанских князей». Эта последняя восхваляет славные качества рода рязанских князей, их книжеские добродетели, но за этой похвалой старым рязанским князьям ощутимо стоит образ былого могущества Русской земли.

¹ В. И. Малышев. Житие Александра Невского. Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. V. М.—Л., 1947, стр. 188.

О Русской земле, о ее чести и могуществе думает автор «Похвалы», когда говорит о том, что рязанские князья были «к приезжим приветливы», «к посолником величавы», «ратным во бранях страшныи являшеся, многие враги востающи на них побежаше, и во всех странах славно имя имяше».¹ В этих и во многих других местах «Похвалы» рязанские князья рассматриваются как представители Русской земли, и именно ее чести, славе, силе и независимости и воздает похвалу автор. Настроение скорби о былой независимости родины пронизывает собой всю «Похвалу роду рязанских князей».

Следовательно, и здесь мы вновь встречаем то же сочетание славы и плача, которое мы отметили и в «Слове о полку Игореве». Это четвертое (включая и «Слово о полку Игореве») сочетание плача и славы окончательно убеждает нас в том, что оно отнюдь не случайно и в «Слове о полку Игореве», что оно было обычным в письменности, что это признак жанра, каждый раз патриотически приподнятого и насыщенного дружинной идеологией.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании плача и славы. Оно, во всяком случае, имеет своих преемников и, очевидно, имело предшественников.

И вместе с тем, на фоне «похвалы Роману», «Похвалы роду рязанских князей», «Слова о погибели» — «Слово о полку Игореве» глубоко оригинально. От всех трех «Слово о полку Игореве» отличается глубиной идейного содержания. «Слово о полку Игореве» насыщено дружинными понятиями, но основная идея «Слова» не дружинная. Автор «Слова о полку Игореве» сумел подняться над ограниченностью дружинной идеологии, сумел стать выразителем народных взглядов, народного отношения к прошлому и настоящему Родины. Вместе с тем, и сочетание плача со славой во всех трех произведениях XIII в. несколько иное, чем в «Слове о полку Игореве». «Похвала Роману», «Похвала роду рязанских князей», «Слово о погибели» — это произведения, в основном, о славном прошлом Родины, — это славы ушедшему и плачи о настоящем. «Слово о полку Игореве» — это плач о настоящем и до известной степени слава будущему Руси.

В самом деле, взглянемся внимательнее в то, как распределяются в «Слове о полку Игореве» элементы плача и славы. В нем есть отдельные места, где сочетание плача и славы как раз такое же, как и во всех трех разбираемых нами произведениях

¹ Повести о Николе Заразском, Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. VII, 1949, стр. 300—301.

XIII в. Прежде всего мы должны отметить то место, где автор «Слова» говорит о былом единстве и могуществе Руси при Владимире I Святославиче: «О, стонати Русской земли, помянувшее пръвую годину и пръвых князей! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевьскымъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы, нѣ разно ся имъ хоботы пашутъ».

Другое место этого типа касается прошлых успехов в борьбе со степью Святослава Киевского: «Тии бо два храбрая Святъславича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убудиста, которую ту бяше успиль отецъ ихъ Святъславъ грозный великий Киевский гро-зою: бяшеть притрепаль своими сильными плѣкы и харалуж-ными мечи: наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути рѣкы и озера, иссуши потокы и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ половецкихъ яко вихръ, выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславии. Ту нѣмци и венедици, ту греки и морава поютъ славу Святъславию, кають князя Игоря...».

В этом месте «Слова» отчетливо выступает та же слава прошлому могуществу и «каяние» бессилия настоящего, которые именно в этом сочетании типичны, как основная идеальная тональность для других произведений этого типа эпохи феодальной раздробленности: для «Похвалы Роману», для «Слова о погибели Русской земли» и для «Похвалы роду рязанских князей». Однако в «Слове» оба эти места и некоторые еще другие сходные имеют подчиненное значение. Основная тональность сочетания славы и плача в «Слове о полку Игореве» иная. В «Слове» «жалость» автора обращена к походу Игоря и к несчастным его последствиям для всей Русской земли. Это, конечно, ее настоящее. Слава же отчасти обращена к прошлому Русской земли — ко времени ее былого единства и могущества при Владимире «старом», однако в основном автор «Слова» славит князей современников: Святослава киевского грозного, Всеволода Суздальского, Ярослава Осмомысла, Рюрика и Давыда, Романа и Мстислава. Славой Игорю «Слово» заканчивается. За что славит автор «Слова» всех этих князей? Он славит их за то, что они могут совершить, если только захотят. Он воздает похвалу их могуществу, которое они могут употребить для лучшего будущего Русской земли. В этом смысле мы и говорим о том, что автор «Слова», оплакивая настоящее, славит будущее единой и мощной Руси.

«Великий княже Всеволоде!.. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! А же бы ты былъ, то

была бы чага по ногатъ, а кощѣй по резанѣ. Ты бо можеш и посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы». Такова похвала Всеволоду, таковы похвалы и другим русским князьям.

В отличие от всех трех привлекаемых нами для сравнения произведений XIII в. «Слово о полку Игореве» хотя и скорбно в отдельных частях, но в сущности глубоко оптимистично. Оптимистично оно и заканчивается.

Громадное различие между «Словом о полку Игореве» и другими тремя произведениями состоит и в самой силе художественного воздействия на читателя, в самых размерах этих произведений и т. д. Однако при всем глубоком различии остается и нечто общее: они близки друг другу по жанру, по поэтическому настроению, по сочетанию эпического и лирического, по патриотичности тематики, обращенной ко всей Русской земле. Наконец, что самое главное, все четыре произведения объединяет то, что они являются по-настоящему литературными произведениями. Это произведения художественного творчества в собственном смысле этого слова. Их политическая, идеальная сторона выражена прежде всего и больше всего в художественной форме. Они описывают и рассказывают нам положение Руси «в живых примерах» и «примеры эти большою частью создаются воображением самого писателя» в точном художественном соответствии с действительностью. Перед нами очень важный этап в становлении русской литературы.

